

ПУБЛИКАЦИИ

Л. А. КУРЫШЕВА

О НОВОНАЙДЕННОЙ ПОВЕСТИ О НЕКОЕМ ЦАРЕ И О ДЩЕРИ ЕГО

(РО РНБ, фонд И. А. Шляпкина,
сборник повестей XVIII в.)*

В РО РНБ имеется несколько рукописей из коллекции известного петербургского знатока древностей, коллекционера, профессора Петербургского университета И. А. Шляпкина (1858–1918). В их числе — рукописный сборник XVIII в., который до сих пор не привлекал внимания исследователей. В его составе мною было обнаружено ранее неизвестное беллетристическое сочинение Повесть о некоем царе и о дочери его.

Основу повести составляет сказочный сюжет АТ 709 «Волшебное зеркальце (Мертвая царевна)», широко представленный в фольклоре народов Европы.¹ До последнего времени первые фиксации сказочного сюжета о мертвой царевне в России связывались с концом XVIII в. — 1820-ми гг. К этому периоду относятся два текста. Печатная Сказка о старичках-келейчиках 1795 г. представляет собой

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-04-00214.

¹ *Андреев Н. П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929. С. 50; Сравнительный указатель сюжетов: Восточно-славянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. С. 179; 709 Snow White // Aarne–Thompson–Uther Classification of Folk Tales. URL: <http://www.mftd.org/index.php> (дата обращения: 24.05.2016).

О НОВОНАЙДЕННОЙ ПОВЕСТИ О НЕКОЕМ ЦАРЕ И О ДЩЕРИ... 253

литературную обработку сказочного сюжета.² Среди бумаг А. С. Пушкина имеется несколько конспективных записей народных сказок, в том числе и на наш сюжет.³ Эти записи были сделаны поэтом в конце 1824 — начале 1825 г., в период ссылки в Михайловское.⁴ Кроме того мы находим интересную параллель в рукописной повести середины XVIII в. о французской королевно Фларенте и итальянском королевиче Георгии: месть мачехи и чудесное воскрешение девицы соответствует эпизоду сказочного сюжета АТ 709.⁵

Помимо палеографического описания памятника в задачи настоящей статьи, предваряющей публикацию Повести о некоем царе и о дочери его, входит решение вопроса о датировке памятника через анализ литературной традиции, в которой написана повесть.

Новонайденный литературный памятник находится в сборнике «Повести» из собрания И. А. Шляпкина в ОР РНБ. Ф. 865, № 273.⁶

² Сказка о старичках-келейчиках // Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок / Издана для любителей оных иждивением московского купца Ивана Иванова. М., 1795. Ч. 2. С. 87–96.

³ Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века / Сост., вступ. ст. и коммент. Н. В. Новикова. М.; Л., 1961. С. 123. Вопросу о том, являются ли эти записи воспроизведением сказок по памяти или непосредственным конспектированием со слов исполнителя, посвящена работа: *Иванова Т. Г.* Еще раз о пушкинских записях народных сказок // Культура и история: Актуальные проблемы теории и истории культуры. СПб., 2004. С. 110–123.

⁴ По мнению М. К. Азадовского, наряду с этой записью на замысел стихотворной «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях» оказала влияние сказка братьев Гримм того же типа «Белоснежка» («Schneewittchen»), знакомство Пушкина с которой состоялось через французский перевод (см.: *Азадовский М. К.* Источники сказок Пушкина // Азадовский М. К. Литература и фольклор. Очерки и этюды. Л., 1938. С. 84). Относительно степени влияния гриммовской сказки на сказку Пушкина были высказаны сомнения (см.: *Волков Р. М.* Народные истоки творчества А. С. Пушкина (баллады и сказки). Черновцы, 1960. С. 156–158 (Уч. зап. Черновицкого гос. ун-та. Сер. филологических наук. Т. 44. Вып. 13)). Как бы ни решался вопрос об источниках пушкинского произведения, последующие записи народной сказки типа 709 нередко содержат следы влияния Сказки о мертвой царевне и семи богатырях (см.: *Бараг Л. Т., Новиков Н. В.* Примечания // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. М., 1986. Т. 2. С. 406).

⁵ Вопросу о том, как связана новонайденная повесть с версиями сказки, представленными рукописной «историей» о Фларенте и Георгии, печатной сказкой 1795 г. и пушкинским конспектом «Царевна заблудилась в лесу», я намерена посвятить особую статью.

⁶ На первом листе рукописи экслибрис: «Библиотека И. А. Шляпкина № 235» (цифры номера внесены от руки). По-видимому, рукою И. А. Шляпкина красным карандашом отчеркнуты названия некоторых повестей и документов.

Сборник размером в четвертку, без переплета, без окончания, 66 л.; Л. 29–32 сохранились не полностью; написан скорописью XVIII в., почерк двух разных рук, которые сменяют друг друга на протяжении всей рукописи. Повесть о некоем царе и о дочери его — на л. 47 об.–51 об.

В первых тетрадках рукописи (Л. 1–30 об.) четко просматриваются водяные знаки — герб Амстердама (львы и щит без постамента) и буквы RIARDEL. По данным Т. В. Диановой, в русских рукописях такая голландская бумага использовалась в 1719–1727 гг.⁷ Далее в рукописи следуют листы без филигранных (Л. 31–56 об.). Последние тетради сохранившейся части сборника сложены из бумаги с водяным знаком, включающим герб Амстердама и плохо различимые буквы (предположительно В МОЕВ или Р МОЛВ), которым не найден никакой аналог в известных нам альбомах филигранных С. А. Клепикова, З. В. Участкиной, Т. В. Диановой.⁸

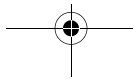
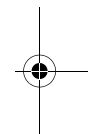
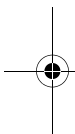
Собственно литературный конвой повести состоит из беллетристических сочинений, получивших распространение в России начиная с XVII в. (Повесть о семи мудрецах, Повесть об Акире Премудром, Повесть о царе Аггее). Исключение составляет Повесть о воине Аквитане. Как показало исследование Э. Малек, последняя была создана не ранее начала XVIII в. и не позднее 1729 г.⁹ Сохранившуюся часть сборника завершают пять исторических документов 1736 г., имеющих отношение к русско-турецкой войне.¹⁰

⁷ Дианова Т. В. Филигранные XVII–XVIII вв. Герб города Амстердама. М., 1998. № 319 Согласно Клепикову, № 1354 — в 1720–1740 гг. (см.: Клепиков С. А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959).

⁸ Сердечно благодарю за консультацию сотрудников Отдела рукописей РНБ Ж. Л. Левшину и Е. А. Филонова.

⁹ Малек Э. Источники и литературная история Повести об Аквитане // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1990. Т. 43. С. 105.

¹⁰ Содержание сборника: 1) Повесть душеполезная о семи мудрецах и о царе Елиазаре и о сыне его Диоклетиане (Л. 1–43); 2) Повесть о Акире премудром и о сыне его Анадане (Л. 43–47 об.); 3) Повесть о некоем царе и о дочери его (Л. 47 об.–51 об.); 4) Без загл. <Повесть о воине Аквитане> (Л. 51 об.–54); 5) Сия повесть предивная и душеполезная зело о царе Аггее, како похули слово Божие (Л. 54–56); 6) Известие о воинских действиях против турок и татар, сего 1736 году (Л. 57–60); 7) Экстракт из реляции генерала-фельдмаршала графа фон Миниха отправленной с места баталии за Перекопскою линеею, 20 мая, 1736 году

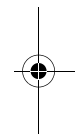
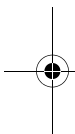

О НОВОНАЙДЕННОЙ ПОВЕСТИ О НЕКОЕМ ЦАРЕ И О ДЩЕРИ... 255

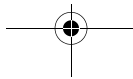
Живой интерес переписчика к началу русско-турецкой кампании указывает на то, что сохранившаяся часть сборника активно формировалась в 1736 г. Сопоставление с данными о времени использования обозначенного типа бумаги позволяет определить период создания сборника промежутком конца 1710-х — конца 1730-х гг.

Обратимся теперь к языковым и литературным особенностям Повести о некоем царе и о дочери его. По языку, грамматическим формам и лексике, повесть принадлежит старой, допетровской повествовательной традиции. Здесь мы встречаем формы аориста и имперфекта, которые, как известно, имели хождение в книжном языке вплоть до XVII в. Однако наряду с ними имеется и употребление современной формы прошедшего времени на -л, хотя и в значительно меньшем количестве. В литературном плане повесть также принадлежит повествовательной традиции допетровской эпохи. В ней нет никаких следов знакомства с «новой» литературой, переводным европейским романом или так называемой «петровской» повестью. Более того, сказочная основа новонайденного памятника позволяет причислить ее к кругу памятников русской рукописной беллетристики второй половины XVII — начала XVIII в., отличительной чертой которых стало активное использование сказочных сюжетов.¹¹

(Л. 60 об.–61 об.); 8) Продолжение журнала о воинских действиях против турок и татар (Л. 61 об.–63); 9) Копия с письма, отправленного по указу Ея императорского Величества Самодержицы Всероссийской от кабинетного министра вице-канцлера и орденов всероссийских кавалера графа Остермана к турецкому верховному везиру, апреля 12 дня 1736 года (Л. 63 об.–66); 10) В Санктпетербурге в 21 день июня 1736 из Кубани на сих днях от 31 мая получены следующие известия (без окончания. — Л. К.) (Л. 66 об.).

¹¹ О роли сказочного фольклора в формировании русской беллетристики второй половины XVII — начале XVIII в. см.: *Еремин И. П.* Русская литература и ее язык на рубеже XVII–XVIII вв. // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 12–21; *Демкова Н. С., Лихачев Д. С., Панченко А. М.* Основные направления в беллетристике XVII в. // Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе / Отв. ред. Я. С. Лурье. Л., 1970. С. 476–561; [Панченко А. М.] Литература «переходного века» // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1: Древнерусская литература. Литература XVIII века / Под ред. Д. С. Лихачева и Г. П. Макогоненко. С. 336, 346; *Ромодановская Е. К.* Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994.

Анализируя особенности сказочного вымысла в русской беллетристике переходной эпохи, Е. К. Ромодановская высказала наблюдение о том, что у авторов этого периода существует ряд «излюбленных» сюжетов.¹² К ним относится и сюжет о разборчивой невесте, и целый класс сюжетов о невинно гонимой или оклеветанной девушке (падчерице, невестке), которую преследует «злая жена» (мачеха, свекровь).¹³ Следует отметить, что во многих памятниках рукописной литературы XVII — первой четверти XVIII в., в том числе записях былинных пересказов, злое начало воплощено в образах жен-изменниц, зачастую обладающих колдовскими способностями. Это Клеопатра из Повести об Иване Пономаревиче,¹⁴ Улита из Повести о начале Москвы, жена Соломона из Повести о рождении и похождениях царя Соломона,¹⁵ жена Михайлы Потока Авдотья Лебедь Белая из Сказания о трех богатырях, жена Ивана Гоудиновича Настасья.¹⁶ Еще один образ «злой жены» мы находим в русской

С. 127–149 (из Содержания: Сказочный вымысел). В приведенных работах высказана мысль о влиянии фольклора на формирование рукописной беллетристики и заимствовании ею у сказочного эпоса элементов поэтики, типа героя, сюжетов. Несколько иную точку зрения высказал Е. А. Костюхин. Настаивая на общности древнерусской литературы и фольклора, на синтетическом «фольклорно-мифологическом сознании древнерусского книжника», исследователь, в частности, предположил, что волшебная сказка «оформилась у нас под сильным литературным влиянием и вошла в обиход едва ли ранее XVII–XVIII вв.» (см.: *Костюхин Е. А. К проблеме взаимоотношений между фольклором и литературой в Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2004. Т. 55. С. 561*).

¹² *Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 135.*

¹³ Там же. С. 136–137.

¹⁴ *Панченко А. М. Основные направления в беллетристике XVII в. // Истоки русской беллетристики... С. 488–489.*

¹⁵ *Ярошенко-Титова Л. В. «Повесть об увозе Соломоновой жены» в русской рукописной традиции XVII–XVIII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1974. Т. 29. С. 257–273.*

¹⁶ *Астахова А. М., Митрофанова В. В. Былины и их пересказы в рукописях и изданиях XVII–XVIII веков // Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков / Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.; Л., 1960. С. 71. Еще одно популярное сочинение XVII в. на тему «злых жен» — «Беседа отца с сыном о женской злобе», об этом см.: *Титова Л. В. «Беседа отца с сыном о женской злобе»: Исследование и публикация текстов. Новосибирск, 1987.**

О НОВОНАЙДЕННОЙ ПОВЕСТИ О НЕКОЕМ ЦАРЕ И О ДЩЕРИ... 257

оригинальной Повести о царице и львице (конец XVII в.): завязкой в ней служит преследование невестки злой свекровью. По тематике и функционально-сказочной структуре эта повесть сходствует с новонайденной Повестью о царе и дочери его. И та и другая входят в класс сказочных сюжетов о невинно гонимых героинях, по структуре — в подтип волшебных сказок с функциональной завязкой: «Вредитель наносит одному из членов семьи вред».¹⁷ В обеих повестях «злая жена» действует по наущению дьявола, ненавидящего добродетель. Положительная характеристика невинно гонимой жены (падчерицы, невестки) дана через акцентирование в героине кротости, любви и почитания к отцу, нищелюбия и странноприимства (Повесть о царе и дочери его), благонравия, кротости, благочестия, почитаемой всеми добродетели (Повесть о царице и львице):

«Дщерь же царева творяше милостыню на всяк день, своими руками подающе и трапезу убогим поставляше. Лютый же враг, искони ненавистник творящим милостыни, вложи в мысль царице <...> Тогда лукавый враг разже сердце у царицы яростию великою» (Повесть о царе и дочери его. Л. 48);

«Мати же царева, завистуя на царицу, невестку свою, яко любит ея царь и за добродетель ея почитаема бе от всех, и не любяше ея <...> обрете тогда подобно время злобе своей и научением вражиим нача смышляти, да наведет на царицу пагубу».¹⁸

Показательно, что в обеих повестях дальнейшее зло, творимое через слуг, совершается как бы против их воли, но из страха перед властью «злой жены». Кроме того, обращает на себя внимание двояко трактуемая сказочная фантастика. В новонайденной повести, как и в других беллетристических произведениях второй половины XVII — начала XVIII в., сказочная категория чудесного представлена в двух родах. Магические способности мачехи-царицы объяснены через дьявольское пособничество: «Царица же <...> дьявольским коварством сотвори сорочьку вельми прекрасну» (Л. 50). А оживление царевны и братьев происходит через божественное вмешательство, через чудо: «И вси дивишася о великом чюдеси и

¹⁷ *Протт В. Я.* Морфология русской сказки. Л., 1928. С. 40–43.

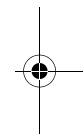
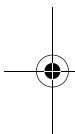
¹⁸ Повесть о царице и львице / Подгот. текста и коммент. Т. Ф. Чалковой // Памятники литературы Древней Руси. М., 1988. XVII век. Кн. 1 / Сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. С. 427. Цитата дана в модернизированной орфографии.

радовашеся радостию великою zelo и прославляше Бога» (Л. 51). Волшебный предмет — зеркало, знакомый по поздним версиям сказки, функционально замещен фигурой нищего, который становится и невольным орудием мести мачехи.

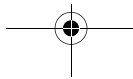
В отличие от Повести о царице и львице, которая появилась благодаря обработке переводного рыцарского романа и стала русской «религиозной повестью, не лишенной, однако, и занимательного элемента»,¹⁹ в Повести о царе и дочери его ярко выраженный дидактический элемент отсутствует. Однако мотивы поведения главных персонажей, логика всего сюжета пронизаны не секуляризованным мировоззрением: зло творится по воле дьявола, божественный промысел действует в мире через чудо, и люди помнят о том, в чем коренится источник всех благ. Таким образом, сюжет, повествовательные приемы и идейное наполнение новонайденной повести связано с традицией беллетристики второй половины XVII — начала XVIII в.²⁰

Находка литературного памятника в сборнике конца 1710-х — конца 1730-х гг. — Повести о некоем царе и о дочери его, в основе которой лежит сказочный сюжет АТ 709, до сих пор известного в русской словесности по литературной обработке конца XVIII в. и пушкинской записи народной сказки, подтверждает популярность сказочного сюжета АТ 709 в России уже в раннее время и пополняет

¹⁹ Чалкова Т. Ф. О структуре и жанровой специфике «Повести о царице и львице» // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 109.

²⁰ Проведенное Т. Ф. Чалковой сопоставление русского перевода популярного средневекового романа об Оттоне и Олунде с его оригинальной переделкой — «Повестью о царице и львице» (см.: Чалкова Т. Ф. О структуре и жанровой специфике... С. 101–109), а также привлечение хронологически близкого беллетристического материала, позволили сделать обобщения относительно характерных черт целого класса повестей этого времени. Е. К. Ромодановская отмечает две разнонаправленные тенденции рукописной беллетристики переходного времени, на одном полюсе которого возникает тип повести, «маскирующей» под переводной роман (иностранные имена героев, якобы реальная география, бытовые и социальные реалии своего времени), и другой, воспроизводящий черты волшебной сказки, но структурированной по законам новеллы (безымянность героев, подчеркнуто неопределенное время и место действия) (см.: Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге нового времени... С. 141–149).

О НОВОНАЙДЕННОЙ ПОВЕСТИ О НЕКОЕМ ЦАРЕ И О ДЩЕРИ... 259

наши представления о фонде сюжетов рукописной беллетристики второй половины XVII — начала XVIII в.

Публикуемая ниже Повесть о некоем царе и о дочери его является списком с более раннего текста. Об этом свидетельствуют грамматические ошибки, опiski, повторы, темные места и логические пропуски. Например, мы встречаем повтор через строку «повеле ея обмыти» (Л. 51). В эпизоде с преследованием падчерицы мачеха призывает нищего и дает ему «другую» сорочку (Л. 50), хотя по смыслу имеется только одна сорочка, которую царица повелела изготовить и затем отравила. Еще одно темное место находим в эпизоде с внезапным возникновением в доме братьев их неприятеля — змея. Возможно, в протографе вместо появления змея из третьей комнаты («изыде ис третею змий», Л. 49) речь шла об издаваемом им треске («и с трескою»). Текст повести публикуется в соответствии с правилами публикации текстов, принятыми в «Трудах Отдела древнерусской литературы».

Текст

Повесть о некоем царе и о дочери его

л. 47 об.

Бысть некий царь, имея у себе царицу красну зело и не обретах такая во окрестных странах и государствах, имея у себе едину дщерь, подобну красотою ей же, царице, матери своей. Живяста же царица с царем своим и по времени царица бысть близ смерти от великия немощи. И призва царя своего и рече ему: «Возлюбленный мой царю, како жил еси со мною в любви, молю тя, не моги понять после меня иной себе жены, аще поймеш себе жену, то будет дому твоему // похищение и напасть велия. Токмо едино прошу тя, отдай, государь, дщерь нашу в супружество. И будет дому твоему наследник и государству твоему владетель и правитель». И по увещению ея много царь времени по смерти царицы своя не женися. И нача ближнии князи и велможи царю своему глаголати: «Государю наш, что ты сердце свое изнуряеш и долгое время не пойш себе царицы, а нам, государь, после себя правителя не оставляеш? И все наше царство тщетно будет». И царь, забыв заповедь жены своя,

л. 48

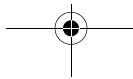
повелевает им прибрать девицу такову, яко и прежняя его царица была прекрасна. Князи же и вельможи начаша избирати и изыскивати такову девицу. И егда же обретоша, пришедше царю и сказаша яко: «Приискали тебе, государь, прекрасну девицу, а иные не могли обрести». Посла же царь корету по нея и привезоша ю ко царю. Царь же поня ю себе царицею и живяше.

Времяни же малу минувшу поиде царь с силою ратию на некую дальнюю страну. Дщерь же царева творяше милостыню на всяк день, своими руками подающе и трапезу убогим поставляше^а. Лютый же враг, искони ненавистник^б творящим милостыни, вложи в мысль царице. По некоем времени призва к себе царица единого нищаго. Прииде нищый и поклонися царице до земли. Глагола царица к нищему: «Вы ходите по всему нашему царству и по иным странам и государствам. И где видал такову прекрасную девицу, что я, царица?» И нищий рече: «Государыня наша, царица прекрасная, аз бывал во многих государствах и странах и во градех и негде, государыня, не видал такой прекрасной девицы, что здесь у нашего царя дщерь царевна, и тою несть краснее». Тогда лукавый враг разже сердце у царицы яростию великою, повеле призвати от раб ближних своих и рече им: «Что вы у меня хотите, и я вам воздам и устрою вас близ себе. Точию сотворите повеленная: да убейте царевну красоты ея ради, дабы в нашем царстве краше меня не было. Аще моего повеления не сотворите, и аз вас предам скорой смерти». Они же убоявшеся смерти и рекоша: «Государыня царица, сотворим твоя повеления яко же волиши». Царица же шед скоро к царевне и позва ея в поле гулять. Она же не отречеся, но глаголя: «Добре, поедем, государыня моя». И прослезися о здравии царя, отца своего. Царица же седе в корету, а царевну повеле посадити в другую корету. И поехала из царства вон. Царица же путем своим поезде, царевну же повеле вести во ину страну ради смертнаго убийства. // И завезоша ея на некия дикия леса и непроходимыя и повелеша ея ис кореты изыти и сказаша ей повеленная от царицы, что повелено ей сотворити, скорой смерти предати. «Аще ли сего не сотворим, то сами от царицы зле умрем». И сия им изрекшим, зряше на царевну и

л. 48 об.

^а В ркп. далее в квадратных скобках убогим.

^б Исправлено, в ркп. ненавистик.

О НОВОНАЙДЕННОЙ ПОВЕСТИ О НЕКОЕМ ЦАРЕ И О ДЦЕРИ... 261

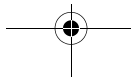
вельми плачюще и неведуще, что сотворити ей. Царевна же рече им с плачем горьким: «Господие мои, воля ваша буди и со мною, токмо прошу не попомните грубости моей к вам, да не оскверните тела моего». Они же зряще на ню, плачюще и не ведуще, что сотворити ей. Она же рече к ним: «Господие мои, аще хотите мя живу пустити, и вы отрежете мизинный перст и с перьстнем от руки моя и отнесите царице и возвестите, что „повеленная тобою сотворили, царевну убихом и знак ея являем в правду“». Они же, слышавше сие, рекоша: «Буди, госпоже наша, по твоей воли». И отъяша от руки ея мизинный перст и с перстнем и оставиша ея в пусе месте, а сами возвратишася во царство к царице. Егда же приидоша, и поклонишася царице и рекоша: «Государыни наша, повеленная нам от тебе сотворихом» и отдаша мизинный перст с перстнем. Царица же оных посланных пожаловала и учредила их ближними у себе. И повеле царица учинити болван деревян, сама же нача горко плакати, возвещая, яко царевна, егда бысть в походе с нею, внезапно умре. И творяще царица поминовение по ней.

Царевна же Божиими судьбами ходаше много непроходимыми лесами никому знаема и не видех ни зверей, ни птиц. Пища же ея бяше от земли былие. Ходящу же ей много время, и се изыде на поле, и узре на поле полаты каменные велми красныя. Она же пришед в полаты и ничтоже виде, точию девять срачиц с порты в крови и вельми диловаты. Егда же увиде сие царевна, вельми убояся. Прииде во вторую полату и виде множество птиц устройства ради в снедь приготовлены. Царевна же пойде в третью полату и виде множество хлеба и муки и пшена и протчих потребных в снедь, точию ничто же устроено. И виде котел велик и размышляя, что бысть сие яко полаты красны, вся потребная, а живущих в них не бе. И не^в долго медля и взем огонь и возгнети пеш и срачицы и порты кровавые взем и, во оной котел положив, // измы по обычаю и ^гпортному некииму^г диловатые места, омых, уплати. И вся снадная яже на потребу учреди и на столе постави. Сама же укрыся в тайно место, зря, кто приидет в полаты сия. И мало медля се шум велик бысть, и виде пришедших девять братьев, и начаша между себе дивитися,

л. 49

^в Исправлено, в ркп нет.

^г Исправлено, в ркп. портном некиим.

глаголюще: «Что сие, братие? Кто в полаты наша вниде и кто из нас з бою возвращахся в полаты и сие учреждал, а нам в бою измену являет?» И егда пришли во вторую полату и видят стол и вся учрежденная на нем в снедь уготованна, и наипаче братия удивишася. Царевна же изыде ис потаеннаго места и поиде тако в особую полату. Егда же изыде ис третей змий и зря на красоту ея и нача ей глаголати: «О, царевна, где есть братия или, убояся мене, бежали?» Она же нача лстити ему, глаголя: «Зде братия, пьяны лежат, а меня они увели от отца и от матери и надо мною много насмеялись, и я их перепоиля пьяным». Змий же рече к царевне: «Ты, царевна, того не ведает, что у меня с ними бой велик и брань многи лета идет. Аще же их убиеш, и я тебя царицею за себя возьму или что хочеш, то и воздам тебе». Она же позва его во особую полату. Змий же возрадосався зело и вшед с нею в полату. Она же посади его за стол и принесе ему вареные цветы и вля в челюсти его. Он же, триглавый, нача зияти, и потом нача его рвати на малыя части. Она же от страха великаго пришед, хотя мал час промолкнути. Тогда возбудися болший^д брат и нача вопити велиим гласом: «О, братия моя милая, востаните вскоре, ныне бо все мы погибохом, но пришел нам урочный час, все есмы повинны смерти». Воставше же братия начаша великим гласом стонати, зряще на царевну, глаголюще: «Кто ты нам такая явися изменница или ты от лютаго зверя змия послана еси?» Она же не могах терпети таковаго их стенания и вопля. И рече к ним царевна: «О, братия моя драгая, не воздыхайте болезненно, но идите во оную храмину и узрите змия того от руки Божия убита». Братия же шедше в полату вскоре и видеша лютаго змия убита и лежаща мертва и возрадосавшася радостию великою зело и прославиша всецедраго Бога и лобызаша царевну, // поклоняющася ей^е, глаголаху: «Сестро наша, поведай нам, что хочещи, сотворим тебе». Она же рече: «Братия моя, аще умру в доме вашем, ж-то и ж- мне потребно еси».

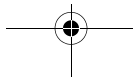
л. 49 об.

Братия же прочистиша дороги на прихождение нищим и странным, царевне же повелеша милостину давати. И прихождаху нищих и странных множество. По времени же прииде нищий от царства

^д В ркп. написано над строкой.

^е Исправлено, в ркп. ему.

^{ж-ж} Исправлено, в ркп. той.

О НОВОНАЙДЕННОЙ ПОВЕСТИ О НЕКОЕМ ЦАРЕ И О ДЩЕРИ... 263

отца ея. Царевна же виде нищаго и призва его к себе и нача вопрошати нищаго о здравии царя и царицы. Нищий же поведа ей, яко «царь наш и царица здраво пребывают, токмо государыня наша питательница царевна преставилась в похоте с царицею, и привезоша ея мертву и погребоша ея честно. Отец же ея и поныне поминовение творит, а нам, убогим, не нажить таковыя питательницы³, что она была к нам, сиротам». Царевна же нищаго в полаты у себе напита его. Нищий же сидя и дивися красоте ея и мня во уме своем, яко «сия девица красотою уподобися нашей преставльшейся царевне, токмо лишь⁴ нет единого мизинного перста». И отъиде нищий.

По времени же прииде нищий во свое царство и прииде ко царю на поминовение царевны с протчими нищими ясти хлеба. И узре царица нищаго и повеле ему сести близ себя. Нищий же поклонися царице, царица же вопроси его: «Ходиш ты, нищий, по многим странам и государьствам и градам, и есть ли в коей стране и государстве краше меня кая жена или девица». Нищий же усумнеся и поклонися царице и рече ей: «Государыня наша царица, есть в северной дальней стране в месте пуге в поле стоят полаты каменные велики и прекрасны зело, а живут в них девять братьев царевичи, и у них есть сестра девица велми красна и лепа, уподобися нашей государыни умершей царевне, только у левые руки мизинного перста нет. И спрашивала она про царя твоего и про тебя, царицу, и про умершую царевну». Царица же възьярися диавольским навожде-нием и вскоре призва к себе ближних рабов, которые тою царевну возили ко убийству. Они же пришедше поклонишася царице, она же их нача вопрошати с великим пристрастием о царевне. Они же ей сказаха: «Государыня наша царица, егда мы у царевны мизинный перст от руки ея // с перстнем отъяли, тогда не вем с кую страну наехали незнаемья люди и ея, царевну, у нас отняли. И тебе, царице, того мы⁵ сказать не смели, бояся смерти». Царица же повеле нищему приити⁶ к себе в удобное время и диавольским коварством сотвори сорочьку велми прекрасну, златом и серебром и жемчюгом учреж-

³ Исправлено, в ркп. питательница.

⁴ Исправлено, в ркп. лише.

⁵ В ркп. написано над строкой.

⁶ В ркп. плохо читается, размыты чернила.

денну. И повеле ея натерты лютым зелием. И призва к себе нищаго и даде ему другую сорочьку и повеле ему отнести прекрасной девице и написа ей грамотку советную сице: «что тебя люди наши утеряли, и я их великим растерзанием предавала и про тебя жестоко расспрашивала, и они мне сказали, что неведомо какия незнаемыя люди наехали и тебя увезли, только один мизинной твоей перст с златым перстнем ради знаменья явили». Нищий же взя грамоту и пошел к девяти братьем.

И по мале прииде нищий к полатам и прошаше милостыни. Узрев же девица нищаго и взя его к себе в полату и вопроси его. Он же отдаде от царицы советную грамотку. Она же распечатав и прочте и прослезися зело о таком писании и приня срачицу, а нищаго накормя и отпусти его. Братиям же тогда бывшим в поле нача девица приготавлиати им пищу и прочая потребная на обед готовляше. И егда устрой^м и постави на столе, и поиде во особую полату и взя с собою срачицу и надела на себя и умре от нея.

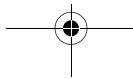
По времени же приехаша братия и вшед в полаты своя и видеша стол наполнен различными брашны. И рече больший брат: «Братия моя драгая, где есть сестра наша?» Они же с великою печалию вскочивше, искаше ю. Менший же узрев брат ея в полате мертву лежащу и великою печалию застонав и ударив о землю: «Увы нам, братия, оставшимся от сестры нашей, грех ради наших за нас умре». И сошедшимся братиям зрящим ю мертву лежащу, а меньшого брата еле жива, и ^н-об оной^н вельми плачюще и рыдающе. Сотвориша же братия гробницу сребрянну и четыре столпа среди двора своего поставиша и цепи железныя протягнуша и полату каменную устроиша, что невозможно ни от человек, // ни от зверей, ни от гадов коснуться. И положиша тело ея в гробницу и повесиша в полате и сами сошедше и на столпе тако написавше: «В той полате у девяти братьев преставляющаяся сестра, такожде братия падоша на копия за сестру свою». Тако поставиша копия противу грудей своих и рекоша: «Да не будем живы ни един ради нашея Богом данныя сестры, и умрем вси мы над нею», а сами падоша на копия.

л. 50 об.

По мале же времени из некоторого царства королев сын поехал на охоту с людьми своими в поле и увиде некоего предивна зверя бе-

^м Исправлено, в ркп. устой.

^н-н Исправлено, в ркп. обоих.

О НОВОНАЙДЕННОЙ ПОВЕСТИ О НЕКОЕМ ЦАРЕ И О ДЩЕРИ... 265

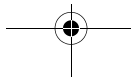
гуща. И королевич погна за зверем и отста людей своих. Зверь же бежа к полатам девяти братьям. Королевич же гна за ним, зверь же невидим бысть. Королевич виде полаты и на столпах полату каменную и написание, иже написано: «У девяти^о братьев преставися сестра, такожде и братия падоша на копия за сестру свою». И королевич прослезися зело, хотя видети девицу, но невозможно. И поиде королевич до лесу и нашед суковатое древо и принесе и поставие и влезши по древу и видеша гробницу и узре в ней прекрасную^п девицу аки сном уснувшу. И объа его печаль велия о девице. Узрев же королевич того ж зверя в поле бегуша и вскоре вскочи и седе на коня своего и погна за зверем, приведе его к своим людям и невидим бысть. И королевич нача во уме своем держати про умершую девицу и часто поминати красоту ея. И нача спрашивать старейших своих своего града, кто бывал у девяти братьев и от короля, отца своего, з данию бывал. И потом королевич <нрзб.> далече в поле ради проносу. И взял с собою ближних своих и гроб з девицею постави в корету и поехал во свое царство и привез тайно к себе на двор. И постави в сокровенное место и ни повеле никому от раб своих ходити. Сам же на всякое время приходяше к ней и открываше гробницу и плакася горко, на красоту ея смотря. И лице его красоты своя изменися. Мати же его, королевича, смотря на сына своего красоту погибшую, изумеса и нача размышляти: «Како сын мой изменися от красоты лица своего, что у сына моего за превеликое сумнение, что сын мой // на всяк день слезы из очей своих испускает?» И посла его гулять в поле, сама ж взем ключи и смотри в полате его и ничто же обрете, токмо замкнут^р един чюлан тайны. Егда же приехал в дом королевич, мати же его запоила пьяным питием и взя у него ключ чюланный и отомкнув и виде гробъницу. Егда же откры и узре мертвую девицу лежащу вельми прекрасну, и повеле ея обмыти и поставити во своей полате. И нача мыслити, что сын ея ону мертвую прекрасную девицу блуда ради держит, и повеле ея обмыти. Егда же сняша с нея сорочку и девица, воспрянув яко от сна своего, убудилась, и даша ей одежду подобающую и сказаша

л. 51

^о Исправлено, в ркп. деяти.

^п Исправлено, в ркп. прекасную.

^р Исправлено, в ркп. замкнув.

сыну своему. Он же от великия радости вскочи и притече к ней, возопи гласом великим, глаголя: «О, мати моя государыни, како могла девицу сию воскресити?» И она ему сказа подробну. И девица нача молити королевичеву мать, чтобы отпустила их с сыном ея, королевичем, посмотреть братию свою и похоронить с честью. Мати же отпусти их. Королевич же поеде к девяти братьям з девицею. И егда приехаша ко братьям и отвориша полату и виде их мертвых, и начаша горько плакати и копия из них вынимати. Егда же отъяша из них копия, братия востаха и быша живы и целы. И вси дивишася о великом чудеси и радовашеся радостию великою зело и прославляше Бога.

Братия же отпустиша королевича с честью, а сестру у себя оставиша. Поидоша же братия в полаты своя и сотвориша пир велик и начаша девицу подробну соспрашивать, како ей смерть прииде. И братия зело радовахуса и прославаша Бога о таком великом чудеси. И рекоша братия к сестре своей: «Аще, сестра наша, хочеш за королевича итти замуж, то мы тебя отдадим с великою честью». И девица отвещав: «Воля Божия да буди, аз за него, королевича, в супружество хошу итти и у отца своего хошу благословение^с прияти. Братия же нарядиша сестру в драгоценное платие // и поехаша к королевичю и сотвориша меж собою приятство и веселишася и поехаша во град з девицею к царю, отцу^т ея, и королевича взя с собою. Егда же быша близ царства отца ея, и стаха в поле и послаша посланника своего ко царю, чтобы царь изволил взять дочь свою с великою честью. И посланник пришед ко царю и грамоту вручи царю. Царь же прочте грамоту и с яростию посланному рече: «Что вы ездите разбоем или обманом под царство мое?» И посла к ним послов своих, такожде написа яко: «У мене дочь была и умерла». Девица же написа отцу грамоту своею рукою и посла з двумя братьями своими. Они же, пришедше к царю, поклонишася и грамоту отдаша. Царь же грамоту прочет, не имя веры. Они же рекоша царю: «Аще хочещи, царю, да поставим ея пред тобою». И повеле царь привести девицу. Братия же взяв девицу честно и королевича и поставиша пред царя. Егда же узре царь девицу, смотря ю и разуме,

л. 51 об.

^с Исправлено, в ркп. благословени.

^т В ркп. далее в квадратных скобках своему.

О НОВОНАЙДЕННОЙ ПОВЕСТИ О НЕКОЕМ ЦАРЕ И О ДЦЕРИ... 267

яко дщи^у его есть, скочив с места своего, обьем ю, плакася горко и спроси ея. Она же поведатцу своему вся по ряду. И отдаде ея королевицю в жену. И призва царь жену свою и повеле ея посадити к диким зверям, братию вельми одариша и отпустиша восвосяси. Королевицю же приказа свое царство. Сам же царь поживе сто лет и умре.

---

^у Исправлено, в ркп. тщи.

